

ИВАНОВ Е.Е.

(Могилёв)

ОККАЗИОНАЛЬНОЕ СЛОВСОЧЕТАНИЕ КАК ОСНОВНАЯ

СТИЛЕОБРАЗУЮЩАЯ ЕДИНИЦА ЯЗЫКА

ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ А. ПЛАТОНОВА

(на примере речевых афоризмов)

Стиль художественной прозы А. Платонова без сомнения замечательное явление в развитии русского литературного языка. Уход

писателя от правильности и смысловой прозрачности речи воплотился в "антилитературном" отклонении от общепринятых языковых норм.

Одной из характерных особенностей языка платоновской прозы является его афористичность. Речевой афоризм Платонова ярко индивидуален. Помимо усложнённой семантической структуры он необычен и по своему внешнему оформлению. Значительное превышение концентрации новых синтаксических связей (без увеличения их количества) в объёме одной фразы требует определённых интеллектуальных усилий по "дешифровке" некоторых понятий даже на уровне отдельного словосочетания (СС).

У А. Платонова своя, неподражаемая манера соединения слов, основанная на специфическом принципе "равновесия противоположностей" (Толстая-Сегал), иначе говоря, на многообразии комбинаций потенциально несочетаемых лексических единиц, ср.: "пригородная собака", "подземная туча", "фокстротная голова", "героическая тварь" и т.п. (Здесь и далее цитируется по изд.: Платонов А.П. Избранное. М., 1988). В афоризмах степень "развоплощения смысла" (Чалмаев) несколько ниже, но и здесь налицо алогичность семантической организации фразы: "(Если) вопрос встал принципиально, надо его класть обратно по всей теории чувств и массового психоза" (Котлован), "У власти опять умнейшие люди дежурят — добра не будет" (Чевентур), "Поставим вопрос: откуда взялся русский народ? и ответим: из буржуазной мелочи!" (Котлован).

Одно-два "удачных" сочетания слов во многом определяют афористическую ценность фразы, а нередко и само её отнесение к разряду афористических единиц: "Чиновник и прочее всякое должностное лицо — это живая шпала под рельсами в социализм" (Город Гредов), "Маловажные дела, наравне с неприличием, уместней кончать в невидимое время" (Чевентур), "В руках стихийного одиночника и козёл есть рычаг капитализма" (Котлован), "Советская власть — это царство множества природных людей" (Чевентур). Совершенно неожиданное, но контекстуально оправданное СС выступает порой "фундаментом" всей структуры афоризма, как внешней, так и внутренней: "Некуда жить, вот и думаешь в голову" (Котлован), "Второстепенные люди делают

медленную пользу" (Чевенгур), "В каждом дне есть своя, безмянная прелесть, неповторимая в будущем" (Чевенгур), "Человек так себе: ни плох, ни хорош, а машины равномерно знамениты" (Чевенгур).

Семантико-синтаксической основой платоновских афоризмов выступают чаще всего субстантивные СС с именами прилагательными. Признак стержневого слова, волею автора переходящий в качество, реализует его (слова) индивидуальную, "однократную жизнь" (Гумилевский) в составе СС и афористической фразы в целом: "Человек — это не смысл, а тело, полное страстных сухожилий" (Чевенгур), "Первосортные люди заняты строительством социализма, а второстепенные люди усердствуют в искусстве" (Впрок), "Проезжие люди живут так, как будто они едут по чужой планете, а не по отечественной стране" (Город Градов).

Своеобразие окказиальных сочетаний слов у А. Платонова всегда оправдано своеобразием художественного раскрытия образа. Так, в афоризмах, в которых передаётся авторское осмысление окружающей действительности, поднимаются глобальные вопросы философского понимания бытия человека, Платонов разрушает иллюзорную осмысленность мира, его мнимую устроенность с помощью разрушения грамматических норм, логических правил: "Время — это движение горя" (Чевенгур), "Религия есть злоупотребление пирогами" (Город Градов), "Ум и оживлённое чувство может быть только в тех людях, у которых имеется свободный запас тела и теплота покоя над головой" (Чевенгур), "Вековые страсти-страдания происходят оттого, что люди всюду неустанно суются, нарушая размеры спокойствия" (Квенильное море).

Умело соединяя в афористических конструкциях слова зачастую противоположные по своей лексико-семантической принадлежности, Платонов обнажает скрытые оттенки внутреннего смысла "славянского языка революции" (Поливанов), позволяющие заглянуть в невероятные семантические бездны языка эпохи: "Дутко быть одному в сочельник коммунизма" (Чевенгур), "Дети — нежность революции" (Котлован), "Больной человек — это равнодушный контрреволюционер". (Чевенгур).

Находясь вне поля действия современных норм русского литературного языка, окказиальные СС иллюстрируют в афоризмах

на безграничный размах авторской фантазии, а скорее внутрисистемные отношения самого языка художественной прозы А.Платонова.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова